

Гу Пэйань пораженно замер. Едва прозвучали эти слова, как из его тела вырвалась струйка густого, грязного черного дыма. Даже сквозь фильтры очистителя воздуха он почувствовал эту невыносимую вонь, от которой к горлу подступила тошнота.

В воздухе дымка на мгновение приняла уродливые очертания — получереп, полубычья морда, но тут же с шипением растворилась в луче ослепительного света.

В то же мгновение божество-покровитель слегка щелкнул пальцами, и на плечи юноши опустилось мягкое облако молочно-белого тумана.

Оно впиталось в его кожу без остатка, словно капли дождя, упавшие в бескрайний океан.

Гу Пэйань не ощутил никакого дискомфорта.

Напротив, единственным его ощущением был тонкий, невероятно глубокий аромат. Он напоминал лотос из храмового пруда, веками впитывавший благородный запах сандала и священных курений — умиротворяющий, чистый, богатый и бесконечно мягкий. Это был запах самого божества.

Он медленно наполнял его тело, проникая в каждую клетку, неосязаемый и вездесущий.

Юноша, у которого запахи обычных людей всегда вызывали лишь тошноту, поймал себя на мысли, что этот аромат его завораживает.

Но кто бы мог подумать, что обычный подноситель благовоний в одночасье превратится в супруга божества?!

Это походило на покупку лотерейного билета, где вместо утешительного приза тебе вдруг вручают джекпот.

Неужели мана небесная?

Да нет, вряд ли.

Гу Пэйань вспомнил ту системную карту. Уровень сложности для покорения божества-покровителя Цзэляня был обозначен как S++++ — чистый ад.

Не мог этот мужчина достаться ему так легко. Тут явно крылся подвох.

Истина может быть только одна: это божество просто-напросто неразборчиво в связях!

— Послушай, — с подозрением прищурился Гу Пэйань, — неужели каждый твой верующий может стать твоим супругом?

— Нет, — отозвался Цзэлянь, устремив на него безмятежный взор. — За тысячи лет ты — единственный.

У божества могут быть легионы верующих, слуг и подносителей даров.

Но супруг с момента сотворения мира у него может быть лишь один.

— Только ты.

Встретившись с этим безмятежным, глубоким взглядом, Гу Пэйань, как ни пытался это отрицать, почувствовал, как сердце предательски пропустило удар.

«Мать твоя... И откуда у древнего бога такой талант к обольщению?!»

«Ложь. Всё это иллюзия».

«Красивая обертка, не более».

Гу Пэйань глубоко вдохнул, заставляя себя успокоиться.

«Даже если я решу сдаться... нельзя делать это так быстро. А то буду выглядеть совсем дешёвкой».

— А что это за черная дымка только что вышла из меня? — спросил он, слегка прикусив губу.

— Метка, которую оставило в твоём теле другое божество, — ответил Цзэлянь.

Что?! Откуда она вообще взялась?! Пэйань мысленно взвыл от потрясения, но внешне остался абсолютно спокоен.

— Погоди, — осторожно начал он, — я ведь не был... супругом какого-нибудь другого бога до тебя?

Если так, то дело дрянь. Хотя больше всего не повезло Цзэлянью — взял этого б/у-товара с прицепом, так сказать.

— Разумеется, нет, — отозвался бог. — Ты был лишь жертвой, которую то существо наметило

себе для заклания.

Цзэлянь окинул его коротким взглядом. И хотя его лицо оставалось бесстрастным, Пэйаню почудился в этом взоре скрытый подтекст: «Да и какой еще бог, кроме меня, согласился бы взять тебя в жены?»

Юноша почувствовал себя слегка уязвленным. Но самое печальное, что это было чистой правдой.

— И все же... раз я теперь твой супруг, то божество не разгневается? — забеспокоился Пэйань.

— Наверное, — небрежно бросил Цзэлянь. — Но это не имеет значения. Нас разделяют бездны времени и пространства, так что оно узнает нескоро. А до тех пор я защищу тебя.

— Ну тогда ладно, — с облегчением выдохнул Гу Пэйань.

Больше всего он опасался мести тех кошмарных тварей, что стояли за спинами влиятельных конгломератов. Он слишком хорошо знал, на что способны эти силы.

Впрочем, божество-покровитель умолчало об одном: ни один бог в здравом уме не посмеет посягнуть на законного супруга другого небесного владыки. Контракт божественного брака стал для Гу Пэйаня абсолютной, вечной броней. По сути, это исполняло первое желание, которое он загадал в ту памятную ночь под метеоритным дождем.

Но тут в голове юноши всплыл куда более насущный вопрос.

«А как насчет... супружеского долга?» — подумал он, не заметив, как в его собственном голосе проскользнули нотки робкого, но жгучего нетерпения.

Из-за врожденной аллергии на человеческие запахи интимная жизнь Гу Пэйаня до сих пор оставалась чистым листом. Он никогда ничего подобного не пробовал.

Но это не значило, что ему не хотелось. Человеку свойственно жаждать запретного и недоступного. К тому же... божество так чудесно благоухало.

Находясь на расстоянии вытянутой руки, Пэйань отчаянно хотел прикоснуться к нему, но трусил. Каково это — разделить ложе с богом? Должно быть, незабываемо. Сердце забилося чаще от одного лишь предвкушения.

— Уже поздно, — негромко произнесло божество, и в тот же миг Цзэлянь растворился в воздухе, вернувшись в свою обитель.

Оставшись в полном одиночестве, Гу Пэйань растерянно смотрел на пустой двор. В его ладони все еще лежала бумажная лакированная пагода-зонт, сохранившая легкое тепло божественных рук — безмолвное доказательство того, что все случившееся не было плодом его воображения.

«Я что, разозлил его? И вот так просто... стал супругом бога?»

Цзэлянь ушел, оставив после себя ворох безответных вопросов.

— Господин божество, вы уже ложитесь спать? — негромко позвал Пэйань, приподняв руку.

— Это тебе пора отдыхать. Мне сон не требуется, — прозвучал в его голове голос Цзэляня.

— Но вы ведь сами говорили, — тут же зацепился за противоречие юноша, — что обычно спите, когда вам не приносят подношений?

— Верно. Из-за праздности сон помогает богам скоротать вечность.

Гу Пэйань лишился дара речи. Что ж, логично. Не стоит мерить богов человеческими мерками.

— Хорошо, тогда отдыхайте, прошу простить мою дерзость, — Пэйань аккуратно сложил зонт и направился к выходу. Сделав пару шагов, он притормозил и обернулся: — Я могу прийти к вам завтра?

В ответ повисло молчание.

Юноша лишь пожал плечами и, не придав этому значения, зашагал обратно к безопасному дому.

Сейчас ему казалось, что это холодное, отстраненное божество вряд ли испытывает к нему какие-то нежные чувства. Возможно, Цзэляню просто нужны были его обильные ароматические подношения, а может, крылась иная причина. Но Пэйаня это мало заботило — он тоже остался в выигрыше. В конечном счете, этот союз был обычной сделкой, выгодной обоим.

После его ухода мириады храмовых свечей начали медленно угасать одна за другой, погружая древнюю обитель во тьму.

Из глубин алтаря донесся едва слышный, тихий вздох.

У божества-покровителя появился супруг.

Эта ошеломительная весть, подхваченная ветрами со всех четырех сторон света, мгновенно разнеслась по планете, всколыхнув каждое живое существо. И пусть большинство местных созданий были лишены разума, инстинкты безошибочно подсказывали им: свершилось великое, радостное событие. Весь мир наполнился ликованием.

Дождь прекратился, небо озарилось идеальным кругом полной луны и россыпью ярких звезд, разбухших на небосводе, точно карамельный попкорн. Вещие вороны, вечно предвещающие беду своим хриплым карканьем, поспешили умолкнуть и поглубже забились в гнезда. Величественные горы содрогались от мерного, радостного бега слоновьих стад. Вековые леса сбросили плотную пелену тумана, замерцав неоновым голубым свечением миллионов светлячков. Отовсюду доносился топот бесчисленных копыт, переливчатые трели сорок, шелест листвы, поющей в такт теплему ветру... Даже бурные, неистовые реки присмирели, замедляя свой бег.

Природа праздновала триумф жизни. Погруженные в глубокий сон люди даже не догадывались, какие грандиозные перемены творились под покровом ночи.

Деревья и травы вокруг храма росли с невероятной скоростью. Голая земля у порога безопасного дома в одно мгновение затянулась изумрудным бархатом газона. Алые, белоснежные и нежно-розовые розы пошли в бурный рост, обвивая стены своими гибкими стеблями; благоухающие бутоны заглядывали прямо в панорамные окна. Разношерстные лесные зверьки спешили протоптать тропинки к дому, оставляя у двери скромные, но искренние дары для новоиспеченного божественного супруга.

Скитавшиеся в лесной чаще бесплотные духи завели тихий шепот:

— Ты когда-нибудь видел, чтобы божество заводило семью?

— Нет. Я блуждаю здесь почти семь тысяч лет, но такое вижу впервые.

— А мне казалось, господин Цзэлянь так и пребудет в своем гордом одиночестве до скончания времен...

— Этот смертный, должно быть, совершенно особенный.

Событие казалось настолько невероятным, что духи отыскивали древнейший призрак этих мест, надеясь вывести правду у него.

Но почтенный старец лишь покачал полупрозрачной головой — ему тоже не доводилось слышать о подобном.

— Впрочем, человеческая нога не ступала на эти земли уже долгие тысячелетия, — прошелестел вековой дух.

— И нашему господину... должно быть, тоже было очень одиноко.

Крошечный алтарь-святилище внутри таил в себе целую вселенную. То была обитель бога — новый мир элементарных частиц.

Цзэлянь вернулся в свои чертоги, но так и не сомкнул глаз.

Он поднял руку, глядя на ладонь — его тело стремительно теряло плотность, становясь почти прозрачным.

Сквозь призрачную плоть прорастали бесчисленные багровые нити, размывая контуры костей и мышц, пока от его облика не осталась лишь пустая белая мантия.

А там, глубоко под сенью этих нитей, в бушующем озере раскаленной магмы, покоился гигантский белоснежный лотос.

Но сейчас его листья были изранены и пожухли, а сам нежный бутон оставался плотно закрытым.

Лотос являлся живым воплощением духовной сути божества. Его увядание означало лишь одно — силы бога на исходе.

— Ступайте же... господин, — сухо зашелестел лотос, умоляя своего владыку. — Вам нужно быть рядом со своим супругом. Сила его ароматических подношений принесет вам исцеление. Вам больше не придется терпеть эти ужасные муки.

— Я лишь испугаю его, — невозмутимо ответил Цзэлянь.

После выхода из пределов святилища истощенный божественный резерв не позволял ему долго удерживать человеческий облик.

— Возможно, вам не следовало даровать ему свое дитя, — вздохнул цветок. — Рождение божественного наследника отнимает колоссальное количество энергии даже у самых могущественных небожителей.

— Но такова была его воля, — мягко возразил Цзэлянь.

Лотос не обладал божественным милосердием. Вопреки своей хрупкой, чистой внешности, он был на редкость эгоистичен.

— Вы вечно так поступаете! — с горечью воскликнул он. — Отдаете всего себя без остатка ради прихоти ничтожных смертных. А что они? Разве они помнят ваше добро? Да они уже давно вычеркнули память о вас из своей истории!

Цветок не мог забыть долгие века забвения и пустоты. Он люто ненавидел человеческую неблагодарность, из-за которой его господин увядал день за днем.

А ведь когда-то, десятки тысяч лет назад, божественная искра Цзэляня превосходила искры обычных местных духов-покровителей во много крат.

Будучи по природе своей девятихвостым белым лисом, он вообще не был обязан защищать и оберегать эти человеческие земли.

— Так даже спокойнее, — молвил Цзэлянь.

— Но если все продолжится в том же духе, вы просто исчезнете! — в панике воскликнул лотос, преданно глядя снизу вверх на своего хозяина.

Цзэлянь на мгновение замер.

— Я заметил, что у этого человека невероятно большой запас ароматических подношений. Каждый день к нему приковывается внимание десятков тысяч новых душ, — осмелившись, предложил лотос. — Почему бы вам не принять свой истинный облик и не остаться подле него? Так вы и узы брака укрепите, и сможете постоянно подпитываться ароматическими подношениями.

— Нам... незачем укреплять узы, — отозвался Цзэлянь.

— Но без подпитки вы погибнете!

Цзэлянь задумался. В его словах действительно было зерно истины. Сам-то он мог стерпеть угасание, но преданный ему дух лотоса заслуживал спасения. Единственное, что его смущало: его истинная форма сейчас была слишком крошечной и слабой. Нельзя было допустить, чтобы смертный догадался об этом, иначе пострадает божественное величие.

На следующее утро Гу Пэйяня разбудил настойчивый сигнал будильника.

Ночь прошла без сновидений. Сладко потянувшись на постели, он взял детектор эмоций и с удивлением обнаружил, что качество его сна побило все рекорды.

— С добрым утром, хозяин, — заботливый робот Сяо Ань уже стоял рядом, протягивая ему свежую одежду и гигиенические принадлежности.

Быстро приведя себя в порядок и осушив тубик питательного раствора, Пэйань уловил доносившийся снаружи удивленный гул голосов. Нацепив очиститель запахов, он толкнул дверь.

Но стоило створке приоткрыться на треть, как он замер в недоумении.

Откуда у его порога взялись эти пышные цветочные заросли? Ведь еще вчера вечером здесь не было ничего, кроме безжизненных каменистых склонов...

Дверь распахнулась шире.

Увиденное заставило Гу Пэйаня пораженно застыть.

Под чистым лазурным небом раскинулось бескрайнее, волнующееся на ветру море цветов.

Пестрый, благоухающий ковер переливался всеми оттенками радуги, искрясь в лучах утреннего солнца золотыми искрами.

В воздухе пахло влажной землей и сладкой пылью, а над бутонами порхали редкие, диковинные бабочки. Пейзаж казался сошедшим с полотна какого-то гениального художника-романтика.

Раскинувшиеся на горизонте изумрудные холмы лишь подчеркивали величие этого затерянного земного рая.

У самого порога его дома громоздились горы лесных орехов, спелых сочных плодов и сот дикого меда. Чуть в стороне весело журчал ручеек, источавший теплый, парной аромат свежего молока.

Несколько членов съемочной группы уже вовсю толпились вокруг молочного ручья. Набрав пригоршню белоснежной жидкости, один из них сделал глоток и восхищенно выдохнул:

— Настоящее молоко! Никакой синтетики!

— Какое сладкое...

— Как все это могло вырасти за одну ночь? — ошеломленно пробормотал Пэйань.

— Вот и мы гадаем, — к нему подошел режиссер Лань Си, утирая лицо полотенцем. — Проснулись — а у твоего порога целый оазис с угощениями. У остальных ничего подобного.

«Неужели... это дело рук Цзэляня?» — пронеслась в голове юноши догадка.

Лань Си внимательно вглядывался в лицо актера, явно подозревая, что тому известна разгадка этого феномена.

— Да ладно вам, просто наш учитель Гу настолько прекрасен, что перед ним распускаются цветы и склоняются звери, — хмыкнул один из начинающих актеров.

— Точно! И птицы тоже его обожают, — поддакнул другой. — На наших крышах живого места от помета нет, а у него — идеальная чистота!

Гу Пэйань лишь промолчал.

«Ага, скажите еще — боги обожают».

— Ладно, за работу! — Лань Си громко захлопал в ладоши, призывая всех к порядку. — Нельзя упускать такую натуру. Живо разворачиваем оборудование, снимем здесь нашу первую сцену.

— Погодите, — замялся Пэйань. — Но в сценарии ведь не было никаких сцен среди роз?

— Я внес правки на ходу, — отмахнулся режиссер. — Здесь мы запечатлеем вашу первую встречу с божеством.

— Хорошо... — вздохнул Гу Пэйань.

Повернув голову, он наткнулся на подмигивание своего партнера по съемочной площадке, отчего по его спине пробежала волна отвращения.

Общий бюджет картины «Бог и фосфорные огни» составлял колоссальные пятьсот пятьдесят миллионов кредитов. Однако львиная доля — ровно пятьсот миллионов — ушла на гонорар самому Гу Пэйаню. Оставшиеся гроши съемочная группа потратила на перелет к Голубой звезде, так что на роли второго плана пришлось нанимать малоизвестных новичков.

Актера на роль могущественного божества звали Ло Син. Это был рослый, статный молодой человек со смоляными волосами и глубокими темными глазами.

За его плечами числилось лишь несколько проходных эпизодов в дешевой фантастике, но парень не унывал — его семья была весьма состоятельной.

Проще говоря, типичный богатый наследник, играющий в кинематограф ради забавы. Будь он беднее, ни за что не согласился бы тащиться на заброшенную планету за сущие копейки.

В пути Пэйань краем уха слышал, что Ло Син ко всему прочему является преданным фанатом его творчества.

Мысль о том, что сейчас ему придется строить глазки этому типу и разыгрывать влюбленную пару, вызвала у Гу Пэйаня приступ изжоги. Чтобы не опозориться и не выдать свое отвращение прямо перед камерой, он всерьез задумался о спасительной пилюле-стабилизаторе.

— Господин Гу, для меня огромная честь работать с вами на одной площадке, — сияя от восторга, Ло Син сделал шаг навстречу и протянул ладонь.

— Взаимно, — сдержанно кивнул Пэйань, проигнорировав протянутую руку.

Если судить объективно, Ло Син был хорош собой: правильные черты лица, волевой подбородок, рост под метр восемьдесят пять — классический образец эталонной красоты, взращенный передовыми генетиками.

Вот только в образе божества он смотрелся совершенно неестественно. Лань Си явно промахнулся с кастингом.

Разве боги выглядят так? Ему до небожителя — как пешком до звезд. И вообще, не боятся ли они прогневать истинных хозяев этих мест такой карикатурой?

Настоящий бог должен быть чист, подобно лотосу, возвышающемуся над мутной водой. Недостигаемый, холодный, бесстрастно взирающий на копошащихся внизу смертных...

Снежно-белые одежды, льдистый взор голубых глаз и изящный алый узор на лбу, манящий своей непостижимой тайной...

Поймав себя на этих мыслях, Гу Пэйань смутился — он и сам не заметил, как в его воображении прочно запечатлелся образ Цзэляня.

Впрочем, винить его было не в чем. В конце концов, других богов он в своей жизни не встречал.

Ло Син, не сводивший взгляда с Пэйаня, чувствовал, как от волнения кружится голова. Его

кумир, недостижимая звезда галактического масштаба, сейчас стоял рядом. И у них по сценарию была запланирована сцена поцелуя!

От этой мысли у парня задрожали губы. В этот миг он готов был умереть от счастья.

Заметив холодность во взгляде Пэйяня, Ло Син все же попытался растопить лед:

— Господин Гу, я недавно был на вашем живом выступлении.

— Да? И на каком же? — вяло поинтересовался тот, отвлекаясь от своих мыслей.

— На Сириусе! Это было незабываемо. А еще пару лет назад мне посчастливилось получить от вас объятие на фан-встрече. Помните?

Помнил ли он? Разумеется, нет. Пэйянь давал десятки концертов в год. К тому же те объятия на встречах с фанатами были для него сущим кошмаром.

На заре карьеры продюсеры заставляли его идти на этот шаг, уверяя, что тактильный контакт — главное отличие живого артиста от голографических симулякров. Позже, обретя статус суперзвезды, он запретил кому-либо приближаться к себе, но до сих пор при одном воспоминании о тех временах у него темнело в глазах. Для человека с непереносимостью людских запахов подобные нежности были изощренной пыткой.

— Надо же, — натянул вежливую улыбку Пэйянь и незаметно сделал два шага назад, увеличивая дистанцию.

Увы, Ло Син оказался обделен чуткостью и не заметил фальши в его улыбке. Парень продолжал увлеченно щебетать:

— Кстати, насчет тех грязных слухов в прессе о оргиях... Я сразу понял, что это гнусная клевета! Такой возвышенный человек, как вы, просто физически не мог...

Раздражение Гу Пэйяня нарастало. Он неохотно поддакивал, как вдруг его пронзило странное чувство дежавю.

Черт! Да это же в точности повторяло его собственный вчерашний диалог с Цзэлянем!

Разница была лишь в том, что вчера назойливым обожателем выступал он сам.

Гу Пэйянь мысленно застонал. Кажется, теперь он отлично понимал чувства своего божественного супруга.

Тем временем на другом конце поляны Лань Си руководил установкой декораций и экранов.

Связь по-прежнему отсутствовала. Ни один сигнал не мог пробиться к Федеральному бюро археологии, и это молчание эфира начинало не на шутку тревожить режиссера.

Пока он предавался тревожным мыслям, из глубин старого храма донесся истошный вопль одного из ассистентов.

Бросившись на крик вместе с остальными, Лань Си увидел Сяо Чэня из съемочной группы. Тот буквально выполз на четвереньках за порог и, трясаясь всем телом, указывал на алтарный стол:

— Там... там... это не еда!

Переступив порог святилища, режиссер онемел.

Изящные блюда, которые вчера ломились от изысканных яств, теперь были завалены гнилыми костями и черной золой. А сочные спелые фрукты сморщились и высохли, напоминая уродливые черепа.

— Что за шутки? — грозно спросил Лань Си.

— Я... я пришел проверить аппаратуру и увидел это, — заикаясь, пробормотал Сяо Чэнь.

Лань Си подошел ближе и поднял лежавший на краю стола жетон Федерального бюро археологии. В блеклом свете стало видно, что приборы покрыты вековой пылью.

До него мгновенно дошел весь ужас их положения.

Но не успел он озвучить свои мысли, как стоявший рядом Сяо Чэнь сдавленно вскрикнул и рухнул на колени, обхватив руками живот.

— А-а-а! Помогите... Режиссер Лань, живот... как же больно!.. — лицо парня исказилось от нечеловеческой муки, и его вывернуло наизнанку склизкими копошащимися личинками и черным пеплом.

Следом за ним один за другим начали оседать на пол и другие члены группы. Люди корчились в конвульсиях, оглашая своды храма истошными криками:

— О боже, помогите!

— Спасите... горю... все внутри горит!

— Какая боль!

— Да что с вами?! Что происходит?! — Лань Си заметался между стонущими людьми, пытаясь помочь, но в следующий миг страшная судорога скрутила и его собственное тело.

Казалось, тысячи невидимых паразитов впились в его внутренности, заживо пожирая плоть. Желудок скрутило спазмом, холодный пот мгновенно проступил на лбу. Дыхание перехватило, а перед глазами поплыли темные круги. В этот страшный миг режиссер отчетливо понял: они умирают.

Это была еда! Та проклятая вчерашняя трапеза... Он пытался крикнуть, предупредить тех, кто остался снаружи, но из его горла вырывался лишь беззвучный хрип.

Гу Пэйань еще не подозревал о трагедии, разыгравшейся под сводами храма.

Минут десять назад он вежливо отделался от Ло Синя и вместе со своим роботом Сяо Анем отправился бродить вдоль молочного ручья, уходя все дальше вглубь цветущего великолепия.

Ему показалось, что на окраине поляны мелькнул какой-то пушистый белый силуэт.

«Кролик? Или дикий котенок?» — с любопытством подумал юноша.

В эпоху развитых технологий настоящие животные давно стали роскошью, уступив место механическим питомцам. Пэйань видел живых зверей разве что на страницах интерактивных энциклопедий, но даже плоские изображения заставляли его сердце трепетать от нежности.

Заросли роз стояли стеной, грозя острыми шипами. Однако стоило Пэйаню сделать шаг, как колючие ветви послушно расступались, склоняясь к самой земле и уступая ему дорогу.

Солнце ласково грело, а теплый ветерок приносил прохладу. Воздух здесь был настолько чистым и свежим, что юноша без опаски стянул с лица маску-фильтр.

Наконец у подножия исполинского дерева, чья крона уходила в самые облака, он заметил искомый объект.

Это было крошечное, абсолютно белое существо с пушистым хвостом, свернувшимся вокруг тела манящим клубком. Услышав шаги, зверек медленно приоткрыл глаза — его туманно-

голубой взор был на удивление холодным и величественным.

В груди Гу Пэйяня что-то сладко сжалось. Какая прелесть!

Живой, настоящий комок пуха. Против такого очарования не устоял бы никто.

— Цып-цып-цып, — тихонько позвал он, протягивая руку. Зверек не шелохнулся.

— Не бойся меня, маленький... я тебя не обижу, — ласково прошептал Пэйань, осторожно коснувшись пальцами мягкой шерсти. Малыш даже не вздрогнул.

Почувствовав уверенность, юноша бережно сгреб его в охапку. Чудо какое-то! Пушистый кроха весил не больше перышка и легко помещался на ладонях.

От тела человека исходила столь мощная и чистая волна веры, что Цзэлянь невольно издал тихий, блаженный вздох, затерявшийся в шуме ветра.

Пэйань бережно прижал кроху к груди. Заметив, как довольно сощурились его голубые глазки, он расплылся в счастливой улыбке.

— Нравится тебе у меня на ручках, правда?

Цзэлянь промолчал, принимая эту ласку как должное.

Пэйань уткнулся носом в пушистый затылок. Зверек не издавал никаких неприятных запахов — напротив, от него веяло едва уловимым, нежным ароматом парного молока. Это было настолько приятно, что ему захотелось зацеловать малыша.

В голове мгновенно созрел план: забрать это чудо с собой в качестве питомца.

— Как думаешь, Сяо Ань, это котенок? Или щенок какой-то редкой породы? — с восторгом спросил он своего спутника.

Раздался тихий писк оптических датчиков.

— Анализ завершен, — бесстрастно отозвался робот. — С вероятностью в девяносто девять процентов перед нами детеныш лисицы.